ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В. И. ЛЕНИНА

IV ВСЕСОЮЗНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИРАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

(Тезисы докладов)

Статья Жале стр 51

ТАШКЕНТ — 1964

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В. И. ЛЕНИНА

IV ВСЕСОЮЗНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИРАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

(Тезисы докладов)

ТАШКЕНТ — 1964

СЕКЦИЯ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В. И. АБАЕВ
(Москва)

О древнеперсидских личных именах

1. Древнеперсидские личные имена дошли до нас в значительном количестве как в древнеперсидских клинописных памятниках, так и в вавилонской, эламской, греческой, арамейской, древнееврейской передаче.

2. В структурном отношении древнеперсидские имена повторяют те же модели, которые характерны для других древних индоевропейских языков: санскрита, греческого, латинского.

3. Различаются три типа имен: а) двухсоставные, б) односоставные с формантом, в) односоставные без форманта.

4. Имена Кира и Камбиза, которые отдельные специалисты считают неиранскими, могут быть разъяснены средствами иранских языков.

5. Имя Кира Kūruš образовано от основы kur которая в качестве глагольной означает «рождаться», а в качестве именной — «дитя», «юноша» и тому подобное.

6. Имя Камбиза kambujiya относится к типу имен, образованных от этнических (географических) названий.

Ю. Ю. АВАЛИАНИ
(Самарканд)

Взаимодействие способов образования видовых значений в курдском языке (курманджи)

1. В современном иранском языкознании вопросы вида и видообразования не получили еще широкого освещения с привлечением данных многих языков. До сих пор еще существует разнобой в определении степени распространенности этой категории в различных группах иранских языков и отдельных

языках (сравните, например, языки персидский, курдский, таджикский). В предшествующих работах автора была сделана попытка раскрыть видовые особенности некоторых основных временных форм курманджи, в которых довольно отчетливо выявляются видовые оттенки, закрепленные за ними. В системе курманджи складываются постепенно видовые оппозиции, выраженные менее отчетливо, чем в таджикском языке, где в пределах каждого временного плана выделились определенные оппозиции по длительности и краткости. Эти оппозиции в курманджи имеют менее расчлененный характер:

а) они могут охватывать в одном из членов два временных плана;

б) члены этих оппозиций не коррелируют по одному чисто видовому признаку, но осложнены модально-временными оттенками.

2. Важными ресурсами развития видовых значений курманджи являются особые парные глагольные сочетания однородных глаголов и синонимические повторы. В работе, специально посвященной этим сочетаниям, автор сделал особый упор на словообразовательные моменты, недостаточно выявив развивающиеся в таких сочетаниях специфические видовые оттенки.

Парные глаголы имеют тенденцию в ряде случаев стать словами — своеобразными эквивалентами приставочного словообразования (характерного, например, для славянских, германских языков), в пределах которого, по мере лексического опустошения глаголов-детерминаторов, развиваются определенные видовые значения и оттенки. В первую очередь они развиваются там, где складываются наиболее прочные словообразовательные модели парных глаголов — в сфере глаголов пространственного перемещения, движения и приведения в движение, а также глаголов речи, высказывания.

В данном сообщении делается попытка установить взаимодействие между основными видовыми корреляциями в пределах временных форм курманджи (длительность-краткость) и видовыми оттенками, которые реализуются в различных парных сочетаниях.

3. Краткость, законченность выражается «неотмеченным» членом видовой корреляции в пределах временных форм, в связи с чем наблюдается потребность выразить ее другими способами. Так, парные глагольные сочетания, даже оставаясь в пределах собственно словообразования, подчеркивают большую определенность действия в сравнении с простой гла-

гольной структурой. Показательно, что подавляющее большинство парных сочетаний не реализуется в длительных видовых формах. Крайне редки случаи длительных форм у парных глаголов.

4. Выделяются отдельные глаголы-детерминаторы, сообщающие действию специфические видовые оттенки: а) полноты, исчерпанности; б) достигательности (с оттенком интенсивности); в) мгновенности (начинательной).

5. В пределах перфективности развивается дифференциация видовых оттенков. В парных сочетаниях перфективность получает подчеркнутое выражение при помощи детерминатора *ман* — «остаться», «пребывать», распадаясь на два значения: а) перфективность результативную с акцентом на результате действия, выраженную при помощи кратких видовых форм прошедшего времени; б) перфективность продолженную с акцентом на продолжении действия, выраженную при помощи длительных форм.

6. В синхронном плане система видовых корреляций, реализуемых при помощи противопоставления временных форм (длительности-краткости), приобрела более обобщенный грамматизованный характер по сравнению с видовыми значениями в пределах парных глаголов: она охватывает в основном всю глагольную лексику и меньше связана с модальными значениями. Однако в пределах парных глаголов наблюдаются важные процессы развития вида: а) раздвоение перфекта, б) развитие более обобщенных видовых оттенков исчерпанности, финитивности действия, в) выражение всеми парными глаголами пространственной сферы определенности действия.

Следует вспомнить о той важной роли, которую сыграла в развитии славянского вида и видовых значений германского глагола пространственная сфера лексики.

Б. А. АЛБОРОВ
(Орджоникидзе)

Этноним «Царцатæ» осетинских нартских сказаний

«Из ничего не творится ничто по божественной воле» (Лукреций, О природе вещей, стих 150).

1. В осетинских нартских сказаниях часто встречается этноним «Царцатæ» или «Царциатæ» (множественное число от «Царца» или «Царци»).

2. Ни одно объяснение этнонима «Царцатæ» (Чурсин, Меликсетбеков, Пчелина, Кокиев) не обосновано с надлежащей полнотой. Происхождение этнонима «Царцатæ» мы должны искать в названиях сарматских племен и в первую очередь в названии сираков, которое является производным от одного из названия сарматов, а именно «Сирматов», в котором «Сар — Сир» не что иное, как племенное название, а «мат» означает «иранец», следовательно, как Савромат — Сармат — Сарромат, так и Сирмат обозначает «Сарские иранцы».

3. Савроматы — Сарроматы — Сарматы — Сирматы — восточноиранские племена, появившиеся на месте поселения скифов — древних греков, и саков — древних персов после удаления последних в Южнорусские степи — к северу от Яксарта, или Сыр-Дарьи, следовательно, можно предположить, что и их формы названия связаны с названием величайшей реки Средней Азии Яксартом, или Сыр-Дарьей, которая отделяла их от южных восточноиранских племен — согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев и других, а также от древних персов, которых Заяксарские саки в отличие от себя называли хорсаками, то есть «солнечными саками», или переносно — «южными саками».

4. Действительно, уже в названиях «Яксарт» и «Сыр-Дарья», а также в другом названии той же реки Силис мы устанавливаем один и тот же корень Сар — Сыр — Сил, от которого получили свое название северо-восточные Заяксарские иранцы — Сарматы, о чем говорит, в частности, обитание на реке Яксарте одноименного племени Яксартов, в первом компоненте которого Якс мы видим греческую передачу этнонима *аси асиани* (сравните современное дигорское *ассы*), принимавших вместе с тохарами и сакарауками участие в разгроме греко-бактрийского государства.

5. Название реки Сыр, или древнего Яксарт, происходит от названия соли в индоевропейских языках *сал*, что в осетинском до сих пор звучит как значимое (сравните *суар цахдон* — соляная приправа). Название «соляная» река Сыр Дарья получила оттого, что в нижнем своем течении обильно питается солью своего ложа, так что поверхность реки делается белой от соли.

6. Часть сарматских племен, осевших по завоевании греко-бактрийского государства на левом берегу реки Сыр-Дарьи, а именно сарты, отуречилась, омусульманилась, сохранив однако иранский свой язык, близкий к таджикскому. В племенном названии: «Сарт» корень «сар» является древним назва-

нием реки Силиса, или Сыр-Дарьи, а «т» является показателем множественности в восточноиранских языках, в частности в осетинском. Таким образом, слово «сарт» в целом обозначает «сарцы», или выходцы с реки Сар. Сарты по этническому типу — чистые иранцы.

7. Осетинский язык сохранил древнее название реки Сар — Сыр — Сил и в названии чудовищного змея осетинских нартских сказаний и в сказках под наименованием «Зариаг/Залиаг калм» — дословно «Зарийский/Залийский змей».

8. Когда Сарсатæ или Царцатæ стали известны у северного Причерноморья древним греческим писателям, то их назвали керкеты, так как в греческом языке не было ни звука «ц», ни его обозначения буквой. Римские же писатели назвали их Cercetae, Cerceti, то есть почти так же, как себя называли сами Царцатæ. Кстати, следует заметить, что слово керкеты — церцеты ничего общего не имеет с этническим названием «черкесы». Последнее наименование — тюрко-татарского и довольно позднего среднеазиатского происхождения.

9. Сарсатæ, или Царцатæ, то есть сарматы — сираки, представители царциатских катакомбовых погребений погибли не вследствие гнева божия за их гордость, как утверждают сказания, а вследствие борьбы их в I в. н. э. с более многочисленным родственным племенем сарматским — аорсами, жившим на территории от Дона до древней Албании и загнавшим их в горные трущобы Центрального Кавказа, где они вынуждены были голодать и гибнуть от черной чумы и других заразных заболеваний.

К древним сако-сарматским племенам относятся также нарты.

10. Гибель племен Царцатæ и нартов изображается одинаково, потому что они жили на одной и той же территории в бассейне реки Сыр-Дарьи, или древнего Яксарта. У них бытовали приблизительно одинаковые фольклорные сюжеты и судьба остатков этих племен в Предкавказье была одной и той же — они были разгромлены аорсами. Только саки под разными наименованиями, в том числе под наименованием *юэчжи,* жили гораздо ближе к китайским границам, населяли преимущественно верховья реки Сыр-Дарьи, или Яксарта, два больших притока которой — Большой и Малый Нарын могли послужить для них самоназванием, не сохранившимся в письменных источниках, а только в устной передаче. Это самоназвание их страны звучало Наран, где нар — корень, ан — древнеиранский суффикс, указывающий обитание в ме-

стности «Нар», жители назывались нарт — нарты. Остатки отуречившихся наров сохранились в последнее время и у нижнего течения Сыр-Дарьи Нар. (Сравните название Аральского озера Нарин-гол). Перенесли это свое древнейшее самоназвание осетины и в Нар Туальский Северной Осетии (дигорское село Нар образовано из переселенцев Нара Туальского).

11. Название Нарт—Нарта, как и Царцатæ, является названием не человека, или «героя», как объясняли до сих пор, а племенным, этническим. Первое — название древнеиранских саков — древнегреческих скифов, второе—самоназвание древних керкетов — церцетов. Первое может быть названием Анартов и Анартофрактов древнеклассических писателей или Нар/Наири ассирийских источников, куда могли занести интересующее нас этническое название скифы-ашкузы.

Т. АЛЕСКЕРОВА
(Баку)

Этимология некоторых словообразовательных морфем в персидском языке

1. Словообразовательная морфема *ма:н* встречается в ограниченном количестве слов, обозначающих место: *дудма:н, ха:нема:н, са:хтма:н.* По происхождению эта морфема очень древняя: в значении «дом, дворец, жилище, крепость» употреблялась в древнеперсидском и среднеперсидском языках (древнеперсидская — *ma:niya,* среднеперсидская — *ma:n).*

По нашему мнению, *ma:niya/ma:n* происходит от глагола *ma:ndan.* В древнеперсидской клинописи не встречается неопределенная форма этого глагола; там можно встретить только *ama:niya* — форму прошедшего времени в значении «остался». Форма *ma:nishn* от того же глагола в среднеперсидском языке означает «резиденция». Это еще раз подтверждает наше мнение, что *ma:niya* образовано от *ma:ndan.*

3. Морфема *ма:н* в первых стадиях развития персидского языка иногда имела самостоятельное значение. В настоящее время она, потеряв лексическое значение, приобрела грамматическое.

4. Словообразовательная морфема *ва:н* образует топонимические названия. В различных языках она выступает в сходных значениях и в сходной звуковой оболочке. Эта морфема в армянском языке в форме *ва:н/ава:н* означает «поселок», «дом».

В настоящее время в армянском языке эта морфема образует слова со значением названия места.

В грузинском языке эта морфема имеет как самостоятельное лексическое значение, так и словообразовательное грамматическое: она образует географические названия. Морфема *ва:н* часто встречается в топонимике древней Малой Азии, где она также обозначала место.

5. По мнению Г. Гюбшмана, морфема *va:n* в форме *va:ha:ne* имелась в древнеперсидском языке. По нашему мнению, эта морфема из персидского языка попала в армянский. Но ни в древнеперсидском, ни в среднеперсидском языках, ни в языке Авесты эта морфема не встречается. По мнению А. Кесреви, словообразовательные морфемы *са:р, за:р, са:н, а:н* восходят к *ва:н*.

6. Весьма вероятно, что морфема *ва:н* и ее фонетические варианты имелись в армянском и хеттском языках. В персидский язык эта морфема перешла через посредство одного из этих языков. В связи с этим указанную морфему можно встретить в иранских топонимических названиях. Например, *Мадва:н* — село близ Нишапура, *Мешва:н* — село в области Фарс, *Гавмешва:н* — названия поселков и деревень в Ленкоране и Тебризе.

О. А. АРЗУМАНЯН
(Москва)

Некоторые итоги экспериментального исследования вопросительного предложения в персидском языке

1. В настоящем докладе сообщаются итоги экспериментального анализа вопросительных предложений в персидском языке. В качестве иллюстративного материала представляются графики, полученные при расшифровке интонограмм.

2. Нами были рассмотрены простые предложения, состоящие из одного слова, а также двух и трех членов. Каждое вопросительное предложение изучалось в сопоставлении с соответствующим повествовательным предложением.

3. Анализ акустических характеристик вопроса и повествования показал, что вопросительность в персидском языке образуется изменением трех основных акустических компонентов интонации (частоты колебаний основного тона, длительности и интенсивности), причем эти изменения затраги-

ют в большинстве случаев всю структуру предложения. Однако, как показывают результаты опытов, решающие изменения происходят в завершающем слоге. Частота колебания основного тона и длительность произнесения в завершающем слоге выступают как основные различительные признаки. Интенсивность играет, по-видимому, сопутствующую роль.

4. Анализ интонограмм различных моделей предложений показывает, что либо повышение тона гласного завершающего слога в предложениях с вопросительными словами несколько меньше, чем в предложениях без вопросительных слов, либо завершающий слог реализуется понижением тона. Меньшим диапазоном характеризуются те предложения, в которых вопрос выражается одновременно наличием и вопросительных полнозначных слов и частиц.

5. Главное различие между предложениями, оформленными лишь интонационно, и предложениями с частицами состоит в том, что вопросительная интонация в последних характеризуется меньшим мелодическим интервалом как между двумя последними слогами, так и внутри гласного завершающего слога.

6. Другие типы вопросительных предложений (например, неопределенно-альтернативные) также характеризуются особенностями интонационного рисунка.

Интонация первой части неопределенно-альтернативного предложения характеризуется повышением тона, а вторая часть альтернативы — понижением.

При сопоставлении первой части альтернативы с соответствующим определенно-альтернативным предложением выяснилось, что интонационный рисунок в обоих случаях в принципе не различается. Единственное различие — меньшая длительность завершающего слога в неопределенно-альтернативном предложении. В отдельных случаях наблюдалось некоторое падение тона гласного завершающего слога, хотя мелодический интервал между последними двумя слогами — восходящий. По-видимому, это объясняется тем, что в неопределенно-альтернативном предложении завершающий слог первой части альтернативы не является последним, за ним следует вторая часть альтернативы, за счет чего несколько сокращается длительность и частота колебания основного тона конечного слога.

Первая часть неопределенно-альтернативного предложения с частицей *а:йа:* реализуется с меньшим диапазоном, чем неопределенно-альтернативное предложение без частицы *а:йа:*.

7. Из всего сказанного можно сделать вывод, что взаимодействие лексико-грамматических средств и интонации (закон замены по А. М. Пешковскому) частично действует и в персидском языке — вопросительные слова несколько ослабляют вопросительную интонацию.

А. Г. ГАНИЕВ
(Ташкент)

О главных членах предложения в пушту

1. Опираясь на достижения передовой советской науки о языке, исследователи афганского языка научно разработали важнейшие вопросы грамматики пушту. Тем не менее по некоторым вопросам грамматики пушту до сих пор существуют различные точки зрения. Одним из таких вопросов является проблема классификации и определения главных членов предложения эргативной конструкции.

2. В отношении главных членов эргативного предложения в пушту мнения расходятся. Два крупных исследователя пушту — Н. А. Дворянков и К. А. Лебедев — придерживаются той точки зрения, что в эргативном предложении грамматическим подлежащим является субъект действия, или, как его называют другие исследователи, *«агенс»*, а прямой объект переходного действия, с которым глагол согласуется в лице, числе и (в III лице) в роде,— дополнением.

Так, например, Н. А. Дворянков в своей статье «О главных членах предложения с эргативной конструкцией в пашто» пишет: «При описании эргативной конструкции в афганском языке до сих пор не ставился вопрос о соотношении главных членов предложения. Тем не менее в работах по грамматике пашто часто выдвигается тезис о том, что дополнение является главным членом предложения. Нам кажется, что это положение справедливое, по-видимому, для языков с «классическим эргативом», на афганский язык было распространено без достаточных оснований».

К. А. Лебедев, который посвятил ряд своих работ эргативной конструкции в пушту, приходит к выводу, что имя, стоящее в косвенном падеже (*«агенс»* в эргативной конструкции), является грамматическим подлежащим. Этот же тезис дается К. А. Лебедевым в подготовленной им к защите докторской диссертации: «Очерки по синтаксису простого предложения в современном литературном языке пушту», М., 1963 г.

Основываясь на некоторых наших наблюдениях, мы высказывали иную точку зрения на вопрос о главных членах эргативного предложения, на сущность эргативной конструкции и на синтаксические особенности употребления глаголов страдательного залога в пушту. Эта точка зрения изложена в наших статьях, публикуемых в сборниках научных трудов Востфака ТашГУ им. В. И. Ленина за 1964 год. Грамматическим подлежащим в эргативной конструкции мы считаем не логический субъект *(«агенс»)*, выраженный косвенной формой имен, а логический объект, стоящий в прямом падеже. Сказуемое согласуется с последним в лице, числе и роде.

3. К такому выводу мы приходим на основе следующих соображений:

а) язык пушту, сохранивший эргативную конструкцию предложения с переходными глаголами в формах прошедшего времени, не относится к языкам классического эргативного строя. Он характеризуется в остальных типах предложений номинативным строем. Об этом свидетельствует возникновение аналитической фромы страдательного залога в пушту. В этой связи Б. В. Миллер пишет: «...абстрагирующей работой мышления можно объяснить и возникновение в новоиранских языках, полностью проводящих номинативный строй, грамматической категории страдательного залога». Страдательный залог в пушту, как и в других иранских языках, мог образоваться только после окончательного утверждения падежа именительного, в котором мог стоять и предмет пассивный как грамматическое подлежащее;

б) переходный глагол в эргативной конструкции мы считаем активным. Поэтому предложения с переходными глаголами в прошедших временах противопоставляются предложениям со сказуемым, выраженным глаголом страдательного залога. В предложениях пассивной конструкции, где сказуемое выражено глаголом страдательного залога, осуществляется полностью номинативный строй. В такого рода предложениях логический объект переходного глагола, от которого с помощью вспомогательного глагола *«кедъл»* образуется страдательный залог, ставится в прямом (именительном) падеже и является грамматическим подлежащим. А название логического производителя действия часто опускается или выражается с помощью предлога *«дъ»* и сочетания *«лъ тарафа», «лъ палава»* и грамматически считается косвенным дополнением;

в) в эргативном предложении, хотя по смыслу переходный глагол там не имеет никакого пассивного значения, логиче-

ский объект грамматически оформляется по аналогии с логическим объектом при страдательном залоге и обладает всеми теми грамматическими признаками подлежащего, каковые свойственны подлежащему вообще, то есть сказуемое согласуется с ним в лице, числе и роде. Следовательно, основные предикативные признаки в эргативных предложениях находятся в прямой зависимости от логического объекта, а не от логического субъекта *(«агенса»)*. Все это придает логическому объекту большую синтаксическую весомость при эргативном построении предложения.

4. Если идти по пути смешения логического субъекта с грамматическим подлежащим, как это получается при определении подлежащего в эргативной конструкции у Н. А. Дворянкова и К. А. Лебедева, то в таком случае в пушту мы не можем выделить прямой (именительный) падеж как основной грамматический показатель оформления грамматического подлежащего. Более того, название логического производителя действия в предложении со сказуемым в страдательном залоге тоже необходимо будет считать подлежащим, ибо оно является с логической точки зрения субъектом действия.

Р. ДЖУРАЕВ
(Ленинград)

Суффиксальное -е как указательное местоимение в раннем новоперсидском языке

1. Известно, что в истории таджикского и персидского литературных языков имели место три различные по своим функциям и происхождению суффиксальные *-ē йа:йе ҳека:йат* (приглагольные), *йа-йе ваҳдат* и *йа:йе еша:рат* (приименные). В современных таджикском и персидском языках сохраняются лишь приименные.

2. *йа:йе еша:рат,* так же как и *йа:йе ваҳдат* принято рассматривать в разряде артиклей.

3. В языке некоторых письменных памятников раннего новоперсидского периода отсутствуют случаи одновременного употребления суффиксального *-ē (йа:йе еша:рат)* и указательного местоимения; в то же время характерным является их взаимозаменяемость при именах, определяемых придаточным предложением. Последнее дает основание для отнесения суффиксального *-ē (йа:йе еша:рат)* в языке данного периода к разряду указательных местоимений (его этимологически

возводят к древнеиранскому указательному местоимению *aiva*.

4. Вытеснение суффиксальных *-ē (йа:йе еша:рат, йа:йе ваҳдат)* в современном таджикском языке указательными местоимениями *ин, а:н, ҳамин, ҳама:н* и числительными *йак* объясняется тем, что постпозитивный ряд определителей, выраженный морфологически, не имеет в языке материала для своего пополнения.

Р. ДОДЫХУДОЕВ
(Душанбе)

Об отражении некоторых древнеиранских гласных в шугнанском языке

1. Историческая фонетика памирских языков, как и многих других иранских языков, изучена недостаточно. Во всех работах, в которых трактуются вопросы исторической фонетики, как правило, все положения аргументируются развитием согласных фонем.

2. Исторический вокализм шугнанского языка пока что совершенно не изучен и представляет собой такое разнообразие, при котором трудно вывести какой-либо непреложный закон развития той или иной древнеиранской фонемы.

В шугнанском языке обнаруживается несколько репрезентов одной и той же древнеиранской фонемы. Выявление трансформации древнеиранских фонем в шугнанские затрудняется отсутствием каких-либо переходных состояний между древнеиранским и шугнанским, а также наличием большого количества заимствованной в шугнанский язык таджикской лексики.

В докладе делается попытка установить некоторые закономерности изменения древнеиранских *ă, ĭ, ŭ*, а также дифтонгов *ăi, ăй* в шугнанском языке. Примеры, доказывающие прослеживаемые закономерности, приводятся также из других памирских языков, а в некоторых случаях и из прочих восточноиранских языков.

4. Наблюдения над развитием древнеиранских гласных в шугнанском языке показывают, что в последнем чрезвычайно трудно отличить регулярности от иррегулярностей, чему немало способствуют неимоверно сложные и запутанные фонетические явления в шугнанском языке, как, впрочем, и в других памирских языках.

Ф. И. ЗУЛЬФУГАРОВА
(Баку)

Структура идиом персидского языка

(По материалам произведений С. Хедаята)

В современном персидском языке идиомы по своей структуре являются предложениями или словосочетаниями. К идиомам можно отнести, с известными оговорками, также некоторые отдельные слова, в которых ярко выражается идиоматичность.

Подавляющее большинство персидских идиом имеет структуру словосочетания. Эти идиомы выполняют синтаксическую функцию какого-либо члена предложения.

Идиомы-словосочетания строятся по следующим моделям: 1) существительное + глагол; 2) существительное + существительное + глагол; 3) наречие + глагол; 4) существительное + наречие + глагол; 5) местоимение + глагол; 6) слова, объединенные сочинительным союзом, + глагол; 7) глагол + глагол; 8) существительное + основа настоящего времени глагола; 9) существительное + прилагательное; 10) существительное + причастие; 11) конструкция с сочинительным союзом; 12) определительные словосочетания номинативного значения; 13) конструкция со словом *«месл»*.

Кроме того, есть и ряд нерегулярных и непродуктивных моделей идиом.

Среди идиом со структурой предложения имеются простые и сложные.

Идиомы, по своей структуре напоминающие простые предложения, бывают односоставные и двусоставные. В отличие от обычных предложений, идиомы обычно ограничены в своем употреблении.

Х. КАРИМОВ
(Душанбе)

О некоторых аспектах развития фонетического строя таджикского литературного языка

1. Таджикский литературный язык развивался и развивается в условиях взаимосвязи и взаимообогащения языков социалистических наций. На развитии таджикского языка преж-

де всего сказывается благотворное влияние русского языка, который в наших условиях фактически стал вторым родным языком для народов СССР. Благотворное влияние русского языка мы видим во всех сферах литературного таджикского языка.

2. Влияние русского языка сказывается и на развитии фонетического строя таджикского литературного языка. Оно сводится к следующему: а) заимствование новой фонемы; б) изменение характера отдельных фонем в некоторых позициях; в) увеличение роли отдельных фонем; г) появление новых типов слогов; д) возникновение новых явлений в словесном акценте.

Перечисленные фонетические явления свойственны не только таджикскому языку — аналогичные явления наблюдаются во многих языках народов Средней Азии.

3. Некоторые из фонетических изменений в таджикском литературном языке, происшедшие за последние годы, получили такое распространение, что сейчас уже с полным основанием можно ставить вопрос о необходимости новых формулировок некоторых фонетических и орфоэпических правил таджикского литературного языка.

А. А. КЕРИМОВА
(Москва)

О грамматических особенностях таджикского языка различных литературных стилей

(Язык поэзии, художественной прозы, драматургии)

1. Таджикский язык различных литературных стилей неодинаков. По ряду признаков отчетливо различаются: а) язык поэзии, б) язык художественной прозы, в) язык драматургии. Различие между ними наблюдается как в лексике, так и в грамматике, особенно в части, касающейся глагола.

2. Язык поэзии отличается большой архаичностью. В нем используются формы, которые либо отсутствуют в устной разговорной речи таджиков, либо имеются лишь в отдельных говорах. Так, например, в произведениях современных таджикских поэтов часто можно встретить формы настояще-будущего и прошедшего длительного времени с приставкой *ҳаме-*, неупотребительной в таджикском разговорном языке (*ҳаме-*

кунам — я делаю, *ҳамекардам* — я делал); формы повелительного наклонения, настояще-будущего времени сослагательного наклонения, простого прошедшего времени и причастия прошедшего времени с приставкой *би-*, имеющей место в основном только в южных говорах таджикского языка (*бикун* — сделай, *бикунад* — если сделает, *бикард* — он сделал, *бикарда* — сделавший).

3. В художественной прозе имеется различие между языком автора и языком персонажей. Авторский текст представляет собой канонизированную речь, не допускающую в целом каких-либо отклонений от принятых норм. Кроме того, в нем умеренно используются некоторые формы и синтаксические конструкции устного разговорного языка, в частности формы причастий на *-ӣ* (*рафтаӣ* — ушедший, *рафтаистодаӣ* — идущий). Язык персонажей очень близок к разговорной речи. В нем широко представлены формы и синтаксические модели таджикского разговорного языка. Кроме того, в речи персонажей часто встречаются стянутые формы, характерные для устной речи, например: *шудаст* из *шудааст* — он стал, *шудагеш* из *шудагиаш* — его становление, в том числе стяжения, имеющие узко диалектальный характер, такие, как *кардисос* из *карда истодааст* — делает, *омадисем* из *омада истодаем* — идем.

4. Язык драматургии сближается с языком художественной прозы. При этом с точки зрения лексики и синтаксиса он сходен с речью персонажей в художественной прозе, а с точки зрения морфологии он примыкает к языку автора.

Э. КЕРИМОВА
(Баку)

Союз та: в персидском языке

1. Союзы выражают разнообразные синтаксические отношения функционально однородных или синтаксически сопоставляемых и связываемых единиц речи. Все сцепляемые союзами члены словосочетания или предложения объединяются мыслью как грамматически однородные или лексически и логически сопоставимые элементы речи. Преобладающее большинство союзов, устанавливающих связь между словами или сочетаниями слов, вводит их в структуру более крупного целого как связное единство.

Союзы — это частицы речи, которые обозначают логико-грамматические отношения и связи не только между однородными словами и словосочетаниями в составе синтагмы или предложения, но и между группами слов, между синтагмами, предложениями, фразами в структуре сложных синтаксических единиц.

2. Так как простые союзы в персидском языке по своему происхождению являются древними, зачастую трудно определить этимологию некоторых из них.

Лексическая и морфологическая бедность группы простых союзов компенсируется их семантической и синтаксической насыщенностью.

Изучение вопросов, связанных с происхождением, историей развития и употребления в современном персидском языке союзов *ва* и *ке,* подтверждает данную мысль. Что же касается союза *та:,* то он в современном персидском языке употребляется в сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными, подлежащными, сказуемостными, обстоятельственными (времени, цели, причины и другими).

3. а) Придаточное предложение времени, которое связывает с главным союзом *та:,* может быть употреблено как в препозиции, так и в постпозиции. В зависимости от места придаточных предложений и их сказуемых, союз *та:* выражает различные временные отношения;

б) придаточное цели, вводимое через союз *та:,* большей частью следует за главным предложением, а союз *та:* в основном употребляется в начале придаточного предложения. В поэзии такое придаточное встречается и перед главным предложением;

в) придаточное следствия, вводимое посредством союза *та:,* обычно употребляется после главного предложения. Лексическое значение союза *та:* часто сближает придаточное следствия с придаточным времени;

г) союз *та:,* выражая количественное отношение, употребляется в начале придаточного предложения, независимо от места последнего;

д) союз *та:* в классическом персидском языке встречается также в начале придаточного дополнительного предложения.

Х. МАДЖИДОВ
(Душанбе)

К вопросу о классификации фразеологических единиц современного таджикского языка

Фразеология современного таджикского языка очень разнообразна по структуре: наряду с фразеологическими единицами, аналогичными по своему строению, словосочетанию, встречаются единицы, представляющие собой предложения.

Нами сделана попытка классифицировать фразеологические единицы в современном таджикском языке в их развитии и синхронном состоянии, учитывая общие и отличительные признаки фразеологических единиц. С этой точки зрения фразеологические единицы современного таджикского языка делятся на четыре группы.

1. Фразеологические выражения. В эту группу включаются такие фразеологические единицы, которые стоят на грани синтаксиса и фразеологии. Они устойчивы по структуре, целостны по значению, но целостность их значения выводится из суммы значений компонентов. Фразеологические выражения не обладают идиоматичностью; большинство из них переводится дословно на другие языки.

2. Фразеологические сочетания. Постепенно, по мере расширения употребления фразеологических выражений и синтаксических конструкций, в них появляются компоненты с несвободными значениями. В отличие от фразеологических выражений, фразеологические сочетания обладают потенциальной идиоматичностью, то есть они являются частично образными.

3. Фразеологические единства. Они характеризуются не только изменением значения отдельных компонентов, но и изменением значения всего выражения. Если общее значение не выводится из значения компонентов, но между компонентами и общим значением фразеологических единиц имеется потенциальная связь, то такие фразеологические единицы обычно называются фразеологическими единствами.

Фразеологические единства таджикского языка являются одной из основных и употребительных групп. Они идиоматичны, имеют общее переносное значение, эмоциональны, экспрессивно насыщены, дословно обычно не переводятся.

4. Фразеологические сращения. Если между общим значением и значениями компонентов фразеологической единицы

нет никаких связей и их нельзя установить, то такие единицы являются фразеологическими сращениями.

Фразеологические сращения современного таджикского языка абсолютно устойчивы, невозможно заменить или переставить их компоненты. Они не обладают переносным значением, менее эмоциональны, экспрессивно не насыщены, напоминают сложные слова, никогда дословно не переводятся.

В дальнейшем своем развитии фразеологические единицы превращаются в сложные слова.

Г. Ш. МАХМУДОВ
(Баку)

Слова, словосочетания и предложения, грамматически не связанные с членами предложения, в персидском языке

Существуют следующие типы грамматически не связанных с членами предложения единиц в персидском языке: а) обращения, б) модальные слова, в) модальные словосочетания, г) модальные предложения, д) вставочные слова, словосочетания и предложения.

Обращения формально выступают в форме третьего лица, но обозначают второе лицо. Обращения внешне, а иногда и по содержанию, сходны с подлежащим, но грамматически никогда с ним не совпадают. Даже в тех случаях, когда логический субъект и обращение выражаются одним и тем же существительным, подлежащим является не обращение, а отсутствующее в предложении соответствующее местоимение.

Модальные слова, словосочетания и предложения выражают отношение говорящего к высказываемой мысли. Одна часть таких единиц формально сходна с теми или иными частями речи и не случайно смешивается часто с этими частями речи в грамматической литературе. В качестве модальных слов могут выступать и слова, относимые к отдельным частям речи. Модальные предложения структурно соотносительны с предложениями, а по смыслу равнозначны модальным словам.

Вставочные слова, словосочетания и предложения, грамматически не связанные с членами предложения, напоминают соответствующие модальные единицы, но отличаются от них тем, что вносят в мысль что-то новое,— поясняют состояние субъекта, условия, при которых совершается действие, и т. п.

Н. А. МУХАМЕДОВА
(Ташкент)

К вопросу о границах слова в персидском языке

1. Вопрос о границах слова в персидском языке вызывает такие же трудности, как и в других языках. При определении слова в персидском языке необходимо учитывать различные факторы семантического и формального характера.

Семантическое единство обязательно для любого персидского слова, но оно еще недостаточно для определения слова.

3. К формальным признакам слова относятся его фонетические и грамматические признаки. Наиболее устойчивый критерий формальной самостоятельности слова — это его выделяемость, то есть отдельность и цельность слова.

4. Однако в персидском языке нередки случаи нарушения целостности слова, как, например, в аналитических формах префиксальных глаголов *(бар-гаштан, бар-ми-гардам, бар-ха:ҳам-гашт)*, в сложных союзах *(вахтике, вахти...ке)*.

5. Сложным вопросом является определение границ слова с точки зрения грамматических форм, так как здесь соприкасаются явления формообразовательные и словообразовательные. Эти трудности очевидны в определении сущности так называемых причастий настоящего времени *(невисанде, гуйанде)*, будущего времени *(хордани, ха:ндани)*, понудительного залога глаголов *(расидан — раса:ндан)*.

6. Трудным является также вопрос о разграничении словосочетаний и сложных слов, то есть вопрос о процессе трансформации словосочетания в сложное слово и о критериях, позволяющих говорить о завершении этих процессов. В основе семантики сложного слова обычно лежат какие-либо словосочетания как свободные синтаксические, так и фразеологические с различной степенью устойчивости, идиоматичности, спаянности: *ма:дар-зан* от *ма:даре зан* (свободное синтаксическое словосочетание), *ру-дар-ба:йести* от *ру дар ба:йести да:штан* (глагольное фразеологическое словосочетание). Однако в языке много сомнительных случаев, когда трудно установить, имеем ли мы дело со словосочетанием или уже с лексикализовавшейся единицей, как, например, *ра:ҳ-а:ҳан* или *ра:ҳе а:ҳан)*.

И. К. ОВЧИННИКОВА
(Москва)

Опыт применения статистики при исследовании грамматического строя персидского языка

1. Мы обратились к статистике при исследовании грамматических категорий имени существительного персидского языка, в частности для выяснения употребительности неправильных форм множественного числа.

2. Мы ставили перед собой следующие основные задачи:

а) установить употребительность неправильных форм множественного числа в сравнении с правильными в различных жанрах современной персидской прозы (в художественном, научном и публицистическом текстах);

б) определить лексико-грамматические разряды имен существительных, образующих множественное число неправильно, и выделить те из них, которые имеют также параллельные правильные формы;

в) установить сравнительную употребительность правильных и неправильных форм множественного числа для отдельных структурно-семантических разрядов имен существительных арабского происхождения;

г) выяснить, в каких семантических отношениях находятся параллельные правильная и неправильная формы множественного числа от одного и того же имени существительного.

3. Для выяснения достоверности выводов использовались таблица сопряженности признаков 2+2 и формула:

$$t = \frac{P_1 - P_2}{\sqrt{P(1-P) + \frac{1}{n_1} + \frac{1}{n_2}}}$$

где: P_1 и P_2 — относительные частоты в первом и втором опытах, причем $P_1 > P_2$

P — средняя взвешенная из них;

n_1 и n_2 — частоты в первом и втором опытах.

4. Сбор материала вручную для статистических целей является очень длительным и трудоемким процессом. Для составления картотеки в 35 000 карточек было затрачено около года, причем собранный материал обеспечивал достоверность выводов в среднем для 35 из рассматриваемых случаев.

Сортировка материала на табуляторе, по нашим предварительным наблюдениям, дает экономию во времени в пять-шесть раз.

5. Использование более сложных счетно-аналитических машин, как показывает опыт их применения за границей (Франция, Италия, Англия), а также в некоторых научных центрах нашей страны, в частности в Ленинграде, очевидно, должно дать еще больший эффект.

И. М. ОРАНСКИЙ
(Ленинград)

О курсе «История персидского и таджикского языков» в системе университетского иранистического образования

1. Целевая установка курса.
2. Метод.
3. Источники для изучения истории персидского и таджикского языков. Степень их разработанности. Основные задачи в этом направлении.
4. Вопросы периодизации.
5. История персидского и таджикского языков и сравнительно-историческое иранское языкознание.
6. История персидского и таджикского языков и персидско-таджикская диалектология.
7. Субстратные явления.
8. Членение курса. Спецкурсы и спецсеминары.
9. Проспект учебного пособия по истории персидского и таджикского языков.

Т. Н. ПАХАЛИНА
(Москва)

Особенности употребления препозитивных служебных элементов при определяемом имени в сарыкольском языке

1. Сарыкольский язык относится к числу тех иранских языков, в которых связь определения с определяемым осуществляется путем простой постановки определения перед определяемым.

2. Препозитивные служебные элементы в сарыкольском языке (предлоги, выражающие пространственно-временные отношения, и показатель прямого объекта) при наличии определения при имени, которым они управляют, употребляются, как правило, непосредственно перед этим именем-определяемым.

3. При определении, выраженном указательным местоимением, препозитивный служебный элемент помещается: а) только перед определяемым именем в случае субстантивного употребления указательного местоимения; б) только перед определением в случае адъективного употребления указательного местоимения.

4. Употребление препозитивных служебных элементов при распространенном определении (то есть при определении, состоящем из нескольких определений) подчиняется следующим правилам: а) при определительном комплексе без артикля служебный элемент помещается, как правило, перед определяемым именем; б) при определительном комплексе с артиклем служебный элемент помещается только перед артиклем.

5. При наличии частицы, усиливающей указание, служебный элемент помещается между этой частицей и указательным местоимением.

Л. С. ПЕЙСИКОВ
(Москва)

Сложнопроизводные слова в персидском языке

1. Персидский язык обладает структурным многообразием сложных слов, образование которых нельзя рассматривать лишь в традиционном плане словосложения. Вопрос о способе образования того или иного сложного слова приобретает для иранского языкознания актуальное значение.

2. Не вызывает сомнения тот факт, что среди словообразовательных основ, функционирующих в качестве производящих, особое место занимают словосочетания разных типов, включая свободные и устойчивые. Исследование словосочетаний в роли производящих основ поможет не только выявлению новых особенностей словообразования иранских языков, но и характеристике сложных взаимоотношений между словом и словосочетанием.

3. Словообразовательная функция словосочетаний может быть обнаружена при анализе сложнопроизводных слов. Сложнопроизводными словами мы называем такие производные (аффиксальные, полуаффиксальные) слова, в основе которых лежат словосочетания свободного или фразеологического типа, функционирующие в качестве производящей основы или словообразовательного коррелята.

4. Типы сложнопроизводных слов могут быть установлены либо по характеру производящей основы, либо по словообразующему суффиксу (полусуффиксу). Поскольку производящая основа при всех случаях представляет собой словосочетание, вопрос о характере словосочетания (устойчивость, неустойчивость, идиоматичность, неидиоматичность, воспроизводимость, невоспроизводимость) существенного значения для образования сложнопроизводного слова не имеет, так как в данном случае все типы словосочетаний функционально равнозначны. Поэтому лучше всего устанавливать типологию сложнопроизводных слов по суффиксу (полусуффиксу), как наиболее существенному формально-классификационному признаку.

5. Выявленные в результате словообразовательного (не морфологического) анализа типы сложнопроизводных слов представляют собой продукт своеобразного способа синхронного словообразования, отличающийся как от аффиксации, так и от словосложения.

6. При анализе сложнопроизводных слов возникает трудная проблема сращения (свертывания) словосочетания в сложное слово, причем наличие многих оказиональных случаев сращения словосочетаний, а также многообразие сращений значительно усложняют проблему отграничения сложного слова от свободного словосочетания и особенно от фразеологической единицы.

А. З. РОЗЕНФЕЛЬД
(Ленинград)

Архаический характер юго-восточных говоров таджикского языка

(На основе анализа их глагольной системы)

1. Таджикский язык и юго-восточные говоры.

2. Важнейшие особенности юго-восточных говоров таджикского языка.

3. Особенности спряжения глаголов в юго-восточных говорах.

4. Широкое распространение глагольной частицы *би (бā)*.

5. Архаические глагольные формы в юго-восточных говорах, зафиксированные в памятниках письменности таджик-

ского и персидского языков классического периода (в прозе) *буда буд, буда будаст, мебуда буд, мебуда будаст.*

6. Архаичные конструкции будущего времени типа: *Зокир пəга мерава, оҳака бор кəна, овардшу* — «Закир завтра пойдет, погрузит известь, принесет», *Оли ариза менависим, пешрайсовет бур* — «Сейчас напишем заявление, отнесем в райсовет», *Иуно гандум чикамен, бай амбора бурд* — «Они срезобьют колосья пшеницы, снесут в амбар».

7. Наличие местоименного типа спряжения от некоторых глаголов чувствования: *навоистəм* — «мне не нравится», *хунукам хурд* — «мне холодно».

Т. З. РУСТАМОВА
(Баку)

Деепричастия в азербайджанском и персидском языках

Передача деепричастий азербайджанского языка в персидском заслуживает особого рассмотрения. Азербайджанский язык среди других тюркских языков является одним из весьма богатых деепричастными формами, ибо в нем имеется пятнадцать форм деепричастий, причем каждая из них характерна своеобразным употреблением. Между тем в персидском языке имеется только один морфологический признак деепричастия, и то общий с формантом прошедшего времени, с признаком одного типа словообразования существительных и сокращенного сказуемого.

Выражение разнообразных азербайджанских деепричастий в персидском языке только одной формой деепричастия, разумеется, невозможно. Способы выражения деепричастий азербайджанского языка в персидском языке в основном могут быть сведены к следующим:

1. Две формы деепричастий азербайджанского языка, оканчивающиеся на *-ыб, -иб, -уб, -уб, -араг, -ərək,* и некоторые отрицательные деепричастия выражаются в персидском языке также формой деепричастия.

2. Большинство деепричастий, имеющих временную связь с основным сказуемым, выражается в персидском языке с помощью придаточного предложения времени.

3. Деепричастия, выражающие состояние в персидском языке, передаются обычно обстоятельственными придаточными предложениями.

4. Несколько групп деепричастий азербайджанского языка выражаются в персидском языке наречиями в изафетном сочетании с соответствующими инфинитивами.

5. Некоторые простые предложения азербайджанского языка, в составе которых употребляется деепричастие, переводятся на персидский язык сложными предложениями.

Д. САДЫХОВА
(Баку)

История местоименных суффиксов в персидском языке

Местоименные суффиксы *(-ам, -ат, -аш, -ема:н, -ета:н, -еша:н)* употребляются во всех периодах развития персидского языка.

Эти суффиксы в древнеперсидском языке выступают в форме *maiy, taiy, šaiy* (родительный и дательный падежи единственного числа), *šim* (творительный падеж III лица единственного числа), *šam* (родительный и дательный падежи III лица множественного числа).

В древнеперсидской клинописи и в других древнеиранских языках формы местоименных суффиксов I и II лица множественного числа не встречаются. Древнейшие формы этих суффиксов можно встретить в среднеперсидском языке.

Древнеперсидские *maiy, taiy, šaiy, šim, šam* состоят из двух элементов — основных элементов *m, t, š*, выражающих лицо и падежные окончания — *iy, m* (единственное число), *an-am* (множественное число).

В процессе перехода от древнеиранской к среднеиранской языковой эпохе начинается постепенное ослабление флексии. С разложением флексии исчезают древнеперсидские падежные окончания, и местоименные суффиксы в среднеперсидском языке выступают в форме *m, t, š, ma:n, ta:n, ša:n*. Эти суффиксы в современном персидском языке употребляются в той же форме и значениях.

По мнению К. Залемана и В. Миллера, в среднеперсидском языке. местоименные суффиксы в притяжательном значении не употребляются. Указанные ученые считают, что притяжательное значение этих суффиксов имеет арабское происхождение.

Можно сказать, что местоименные суффиксы во всех периодах развития персидского и других иранских языков упо-

требляются в притяжательном и объектном значениях. Употребление этих суффиксов в качестве дополнения характерно для древнеперсидского и персидско-таджикского языков классического периода.

В современном персидском литературном языке объектные значения местоименных суффиксов почти не встречаются. В объектном значении они употребляются в разговорном персидском языке, кроме того, это значение местоименных суффиксов известно в других иранских языках.